

КАДРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х-1980-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Мякотин Андрей Александрович

К.и.н., доцент, Самарский национальный
исследовательский университет им. Ак. С.П. Королева
andrey_mn__75@mail.ru

PERSONNEL EVOLUTION OF REGIONAL AUTHORITIES IN THE MID-1950S-1980S (BASED ON THE MATERIALS FROM THE KUYBISHEV REGION)

A. Myakotin

Summary: The article examines the functioning of the personnel of the party economic nomenclature during Khrushchev-Brezhnev and "perestroika" periods. The regional economic elite is characterized in terms of quantitative composition, education, social and professional characteristics. It shows sources of recruitment and "filters" for being selected to party and nomenclature positions. The relationship between social mobility, employment-related of nomenclature personnel and the pace of social and economic development of the region is substantiated.

Keywords: regional authorities, party committees, technocratic elite, party nomenclature, personnel records.

Аннотация: В статье рассматривается функционирование кадров партхозноменклатуры в хрущевско-брежневский и «перестроечный» период. Региональная хозяйственная элита характеризуется с точки зрения количественного состава, образования, социально-профессиональных характеристик. Показаны источники рекрутирования и «фильтры» отбора на партийно-номенклатурные должности. Обоснована взаимосвязь между социальной мобильностью, служебной мотивацией номенклатурных кадров и темпами социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: региональная власть, партийные комитеты, технократическая элита, партноменклатура, кадровый учет.

В советском научном и общественно-политическом «лексиконе» не было понятия «элита». Согласно официальной точке зрения, в обществе «реального социализма» отсутствовали (или были маргинальными) отношения типа «элита-масса», «господство-подавление». Вместе с тем, 1960-80-е гг. стали тем периодом советской истории, когда замедлились социальные лифты, и отчетливо проявилась иерархичная (квазиклассовая) социальная структура социализма. Социальной причиной, генерировавшей неравенство, было неравномерное распределение властного (политико-административного) ресурса. Привилегированный слой («новый класс», элиту) составляли лица, занимавшие руководящие посты в системе партийно-государственной власти и управления [1, с.165].

Организационной основой для «сборки» и функционирования советской элиты был аппарат КПСС, обладавший наибольшей субъектностью среди политических структур. Партийно-политическая элита (номенклатура), первоначально представавшая монолитом, в «поздний» период советской истории фрагментировалась, распадалась на «фракции» – партийно-пропагандистскую, технократическую, региональную и другие «субстраты» правящего класса. Конкуренция за ресурсы, взаимодействие, конфликты этих групп элиты были одной из линий

эволюции региональной системы власти в «позднесоветский» период.

По итогам «великого десятилетия» (условное обозначение правления Н.С. Хрущева) существенно возросла «самодетельность» (субъектность) региональной партноменклатуры. Из «протоэлиты» она превратилась в основного инициатора и «проектанта» социально-хозяйственного развития региона. Был устранен внешний (внеаппаратный) контроль со стороны диктаторской власти, дисциплинировавшей партноменклатуру, принуждавшей ее работать в режиме напряжения, мобилизационного развития. В течение 1950-60-х гг. изменился преобладающий (модальный) тип личности в среде партийно-хозяйственной номенклатуры. «Солдата партии» сталинского периода – аскетичного, индоктринированного, привычного к мобилизациям, авральным мероприятиям – сменил функционер, склонный к бюрократической рутине, аппаратному стилю работы. Формированию региональной управленческой среды способствовало создание совнархозов (1958-1964 г.). Эта реорганизация переместила центр хозяйственного управления в среднее звено власти. Одним из её результатов стало расширение личных контактов, неформальных связей, горизонтальных управленческих «сетей», которые являются важным условием функционирования

элиты, основой её самоорганизации.

Наиболее динамичной частью «управленческого класса», последовательно повышавшей свой корпоративный статус, расширявшей численный и должностной состав, являлась хозяйственная элита. На рубеже 1960-х гг. количественный рост местной партхозноменклатуры происходил, в том числе, вследствие сокращения номенклатуры ЦК. Отчасти он был обусловлен неспособностью учетного аппарата ЦК «освоить» информацию о многочисленных партработниках. Однако главной причиной было технико-экономическое развитие, увеличение числа объектов управления, требовавшее, в свою очередь, усложнения управляющей системы. Так, в 1958-1965 гг. объем промышленного производства в Куйбышевской области увеличился более чем в 2 раза, в том числе на предприятиях, подведомственных областным властям – в 1,7 раз; было вполнину сокращено количество рабочих, занятых малоквалифицированным ручным трудом [2, с.8]. Соответственно, расширялись управленческие штаты, номенклатура руководящих должностей. Большая часть руководителей-«хозяйственников» была охвачена номенклатурой ЦК и местных парткомов. В номенклатурную «обойму» входили руководители хозяйственных отделов парткомов, региональных плановых органов, директора крупных предприятий и их заместители. Вместе с тем, принадлежность к хозяйственной элите определяется не только формальным статусом в системе власти, но и ролью (часто не формализованной) в инициировании, разработке, согласовании и принятии решений (программ, планов и т.д.). По этому критерию к региональной элите могут быть с полным основанием отнесены руководители и заместители, ведущие сотрудники научно-исследовательских, проектных институтов, конструкторских бюро, начальники цехов, главные инженеры промышленных и транспортных предприятий, строительных трестов, не входившие в партноменклатуру. Численность хозяйственной элиты можно приблизительно оценить по количеству экономических объектов. Так, в 1970 г. в Куйбышевской области функционировало около 480 промышленных предприятий, 412 колхозов и совхозов [1, с.301]. Основная номенклатура Куйбышевского обкома в рассматриваемый период была стабильной и включала 1100-1200 работников («хозяйственный блок» составлял в ней 35-40%); учетная номенклатура примерно соответствовала ей по численности [9, л.68-69].

Состав хозяйственной элиты определялся содержанием и объемом ее деятельности. В этом отношении 1960-80-е гг. отличались от предыдущего периода, поскольку был завершен «рывок к индустриализму». Решались задачи «доставивания» индустриальной экономики, а также «инсталлирования» автоматизированных (информационных) технологий. Руководящая деятельность в этих условиях требовала более сложного информационного (интеллектуального) обеспечения.

Расширение административно-хозяйственной элиты происходило не только по формальным критериям (увеличение числа должностей), но и по существу, поскольку в подготовку, экспертизу и утверждение управленческих решений вовлекалось всё большее число специалистов.

В период, начавшийся с десталинизацией, изменился механизм принятия решений. Предельно централизованный, командно-директивный способ разработки и исполнения планов (решений, программ) был заменен системой «бюрократического торга», когда плановые показатели, директивы были результатом внутриаппаратного, «кулуарного» согласования. Роль управленца в этом «теневом» механизме выработки решений определялась не только его должностью, но и, в большей степени, личными контактами, связями. В этой системе инициатива не всегда исходила от союзного центра; наоборот, основным инициатором (соответственно, и автором) программ (планов, проектов) регионального развития были местные власти. Проекты, разработанные на региональном уровне, отличались большим количеством экономических параметров, учетом местных ресурсов, рисков и резервов роста, диспропорций в развитии региона. Для воздействия на центральную власть с целью принятия своих предложений, программ региональные руководители использовали набор средств, в том числе внеинституциональных: обращения, докладные записки в ЦК, личные встречи с руководителями министерств и ведомств, постановления областных партийных конференций, публикации в центральной и местной печати. Вероятность одобрения/утверждения была тем выше, чем более концептуальный, системный характер носил проект. В «команду проекта» часто входили сотрудники, единственной задачей которых было «пробить» его в центре; наибольшими возможностями в этом отношении располагали секретари областных парткомов.

Утвержденные планы (постановления, резолюции и т.д.) не являлись императивом, требующим выполнения «любой ценой»; они могли быть скорректированы в сторону снижения. Появление «обратной связи» при выполнении правительственных решений, возможность их пересмотра и повторного согласования, была показателем «суверенитета» региональных хозяйственных руководителей, превращения их из «винтиков» в субэлиту. В позднесоветский период невыполнение правительственных директив уже не грозило арестом или даже потерей должности. Во второй половине 1960-х гг. командно-административная система управления экономикой (и кадрами) была в основном демонтирована; ее заменила система бюрократического квазирынка.

Усиление позиций хозяйственного руководства (в противовес идеологам) в последние советские десятилетия проявлялось в повышении престижа его деятельности. Партийно-государственное управление последовательно проникалось технократическими цен-

ностными установками. Идеологическая (ценностно-рациональная) мотивация хозяйственной политики была вытеснена прагматической. Партийная идеология утратила «пассионарный» заряд, вступив в противоречие с реалиями «развитого социализма». Кроме того, ее «притягательность» более не поддерживалась репрессивными мерами. В среде номенклатуры периода «застоя» было типичным отношение к пропаганде как «шелухе». Неизмеримо большее значение придавалось организационно-хозяйственной деятельности, связанной с распоряжением «реальными» ценностями.

В числе приоритетов номенклатурно-кадровой политики было повышение образовательного уровня руководителей; для каждого уровня управления существовал образовательный ценз, хотя он не был четким и формализованным. Так, в 1971 г. в составе основной номенклатуры Куйбышевского обкома КПСС 87,7% работников имели высшее образование (в основном экономическое или политехническое), свыше 98% являлись специалистами народного хозяйства. Среди секретарей горкомов и райкомов 94,3% составляли сотрудники с высшим образованием; почти половина имела партийно-политическое образование. На низовом уровне, среди секретарей «первичек», доля лиц с высшим образованием, включая неоконченное, был гораздо ниже – 43% [6, л.44.].

Образование, особенно партийно-политическое, представляло собой неявную форму социального контроля. Оно обеспечивало усвоение идеологием, схем (стереотипов) восприятия общественно-политических явлений. Поэтому комитеты и ячейки КПСС стремились вовлечь коммунистов в непрерывный процесс идеологической подготовки, включая самообразование. Например, в 1966/67 г. в Куйбышевской области в кружках, семинарах, школах марксизма-ленинизма обучались более 170 тыс. человек [4, с.379]. Высшие партийные школы представляли собой институт – единственный в своем роде – политической социализации партийной номенклатуры. В результате политобразования номенклатурщики усваивали официальную фразеологию (новояз), теоретические догматы. Однако не происходило принятия (интериоризации) целей, провозглашенных идеологией. Вместо добродетелей «строителя коммунизма» партономенклатура демонстрировала потребительство и крайний цинизм. Расхождение между нормативными и реальными качествами партийной элиты было показателем далеко зашедшего, необратимого разложения социалистической системы.

Важным «вектором» кадровых изменений в региональном звене управления было увеличение доли работников с техническим образованием, в кадровой отчетности проходивших как «инженеры». Эту тенденцию можно обозначить как экспансию технократов в системе власти; расширение административно-хозяйственного

сегмента местной элиты. «Производственники», преобладавшие в советских и хозяйственных органах, расширяли свое представительство в партийных комитетах. Они практически подчинили своим интересам местный партаппарат, используя лоббистские возможности секретарей парткомов для проведения в союзном центре своих проектов, предложений, программ и т.д.

Проекты отделения партии от государственных структур, ограничения ее деятельности специфическими кадровыми и идеологическими функциями были оставлены на рубеже 1950-х гг. Усиливалась противоположная тенденция – взаимопроникновение партийного и хозяйственного управления, их целей и – отчасти – кадрового состава. Критерии кадрового подбора в партийных комитетах и в руководстве промышленности существенно не различались. В партийный аппарат продвигались работники, у которых организационно-хозяйственные навыки преобладали над общеуправленческой компетенцией. Практика введения в партийные органы специалистов народного хозяйства – рациональная, экономически обоснованная – приводила к усилению вмешательства партийных органов в хозяйственную «текучку», более «плотной» опеке над технократами. «Гипертрофия» хозяйственных функций снижала эффективность основной деятельности – работа с кадровым резервом, учет и расстановка номенклатурных кадров, социально-политический контроль.

Происходило совмещение двух контуров управления – партийного и хозяйственного, – изначально имевших разное целевое назначение и масштаб. Партийное управление носило более «принципиальный» и долгосрочный характер, в то время как хозяйственное – преимущественно тактический и оперативный. Дублирование функций, неопределенность ответственности советских, хозяйственных и партийных органов управления сыграли свою роль в дезорганизации системы власти, переросшей в конце 1980-х гг. в острейший кризис.

Во второй половине 1980-х гг. для региона и его социальной «верхушки» завершился период политико-экономической стабильности. Были начаты преобразования, радикально реформативировавшие региональную элиту, ее структуру и состав. Если рассматривать результаты деятельности властной элиты в предыдущие («хрущевско-брежневские») десятилетия, то по многим – количественным – параметрам они представляются значительными. Произошли впечатляющие изменения в облике города, социопрофессиональной структуре населения, производственном потенциале региона. В первой половине рассматриваемого периода, с 1960 по 1975 гг., объем промышленного производства в области увеличился в 4,63 раза [2, с.257]. Региональная технократия, инициируя экономический рост, тем самым увеличивала свои ресурсы, социальную базу своей власти. Опережающи-

ми – по отношению к другим профессиональным группам – темпами росла численность ИТР (специалистов), являвшихся источником комплектования, «питательной средой» для хозяйственной элиты. В течение пятнадцати лет (1960-1975 гг.) их количество увеличилось в 2,6 раз [2, с. 224]. Однако механизм хозяйственной деятельности, адекватный раннеиндустриальной эпохе, ставил пределы социально-экономическому развитию. В парадигме «социалистической модернизации» успешно решались задачи количественного роста и создания единичных образцов высокотехнологичной, инновационной продукции. Даже в период расцвета, системного апогея советского социализма – на рубеже 1950-60-х гг. – развитие происходило в основном за счет экстенсивных факторов. В годы семилетки (1959-1965 гг.) только 10% роста в тяжелой индустрии – «флагмане экономики» – Куйбышевской области были вызваны повышением производительности труда [7, л.16]. Уже в начале рассматриваемого периода социально-экономическая динамика резко снизилась. Если в 1959-1963 гг. среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли 12,9% , то в 1964-1965 гг. - 5,9%. Эта «понижительная» тенденция была долгосрочной; особенно она усилилась с середины 1970-х гг. Если во второй половине 1960-х гг. промышленность региона выросла на 75,5%, то в 1976-1980 гг. – всего на 20%. Основные фонды росли быстрее объемов производства, т.е. снижалась эффективность использования технологий и оборудования. Например, в 1959-1965 гг. фондоотдача в машиностроении в регионе снизилась на 21% [8, л. 31 об]. Партийное руководство реагировало на это призывами к парторганизациям глубже вникать в производственные проблемы, уделять внимание внедрению технических новшеств. Многие методы внедрения достижений НТР носили черты формализма и даже профанации: создание общественных конструкторских бюро, кружков рационализаторов и изобретателей и т.д. Мобилизационная экономика, развивавшаяся инерционно, по затухающей, не имела потенциала для преодоления постиндустриального барьера, использования результатов микроэлектронной революции. В 1975 г. на промышленных объектах было всего 109 ЭВМ, использовавшихся в основном для автоматизации вспомогательных, учетно-расчетных функций [10, л.137; 11, л. 21]. Они не влияли на производительность труда, поскольку именно в это время был отмечен значительный рост статистического и делопроизводственного персонала. В 1980-е гг. советская экономика постепенно выходила на «плато», т.е. простое воспроизводство.

Представители технократической элиты, наиболее компетентные в проблемах производства, глубже других понимали системные причины этих негативных явлений. Для хозяйственной элиты наиболее тревожным симптомом было постоянное снижение прироста инвестиций, падение их результативности и, как следствие, ограничение финансовых возможностей руководителей предприятий. Так, в 1970-е гг. размер фондов материаль-

ного стимулирования увеличился на 9,4 млрд. рублей, в первой половине 1980-х гг. – всего на 2,4 млрд. руб. [3, с. 120] В среде хозяйственников не было выработано артикулированных требований, тем более комплексной программы экономических реформ. Существовало подспудное мнение, что «нужны перемены»; также характерным было стремление ограничить опеку со стороны партократии. Тем не менее, первый этап перестроечных преобразований – «ускорение» – прошел практически под диктовку технократов. Он представлял собой нереалистичную попытку в кратчайшие сроки поднять технологический базис на передовой уровень путем издания директив и маневра инвестициями. В Куйбышевской области одним из центральных лозунгов «ускорения» было «сделать АвтоВАЗ законодателем мод в мировом автомобилестроении». Политика «ускорения» разбалансировала экономику и была быстро свернута. В дальнейшем партийное руководство, охваченное «зудом реформ», сделало акцент на политических преобразованиях («гласность»). В 1988 г. впервые прошли альтернативные выборы советских, а затем и партийных органов. По итогам выборов самую малочисленную категорию составили топ-менеджеры, значительно уступившие советским и партийным работникам, представителям интеллигенции. Материально-финансовые возможности, которыми располагали хозяйственники, на выборах имели меньшее значение, чем социальная демагогия и властный ресурс. Кроме того, в первые годы «перестройки» директора, воспользовавшись расширением автономии предприятий, существенно увеличили свои доходы; это не добавило им популярности. В 1989 г. хозяйственная элита реализовала одно из главных своих стремлений – освобождение от партийной «надстройки»; в парткоммах были упразднены экономические отделы.

Вместе с тем, распад системы власти, начавшийся с ограничения функций КПСС, нарастание проблем в экономике, радикальная критика советского опыта, упадок идеологии и связанных с ней долгосрочных целей дезориентировали экономическое руководство. В условиях разрушения социума элита стала ориентироваться на индивидуальные и групповые, а не «системные» цели. Обогащение, в т.ч. полулегальными средствами, становится практически единственным мотивом деятельности. Для этого на рубеже 1990-х гг. имелись немалые возможности: создание совместных предприятий, получение льготных кредитов, приватизация прибыльных предприятий, получение привилегий в экспортно-импортных операциях, организация кооперативов при госпредприятиях и др. Квинтэссенцией материальных интересов топ-менеджмента было изменение своего статуса распорядителя государственного имущества на собственника. В этом состояла суть социально-экономических преобразований первой половины 1990-х гг., «заказчиком» и бенефициаром которых являлась административно-хозяйственная элита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабытов П.С., Мякотин А.А. Партийно-административная элита Куйбышевской области в 1960-1991 гг. // Самарский земский сборник. 2013. №1.
2. Куйбышевская область: историко-экономический очерк. М., 1983. 351 с.
3. Невейницына Е.Д. Роль технократической элиты в советском обществе. 1960-80-е гг. (региональный аспект): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 178 с.
4. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. 519 с.
5. Промышленное развитие Куйбышевской области (1959-1965 гг.): Сборник документов. Куйбышев, 1989. 254 с.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.124. Д.232.
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.141. Д.109.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.141. Д.145.
9. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.141. Д.147.
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.149. Д.3.
11. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.150. Д.4.

© Мякотин Андрей Александрович (andrey_mn__75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

